

ВЫПУСК

435-й

Нурсант военно-морского факультета Ленинградского инженерно-строительного института пел на вечерах художественной самодеятельности басом, который спустя годы назвала «лучшим в мире» зарубежная пресса. Пел он, и став прорабом стройтреста, выделяясь среди других студентов консерватории густым загаром, неизбежным при работе на стройках под солнцем и в стужу. Сегодня он гость нашей 13-й страницы — ведущий солист Большого театра СССР, профессор Евгений Евгеньевич Нестеренко, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. Народный депутат СССР от КПСС.

— Все мы жили и живем эти дни Съездом народных депутатов. Вы участвовали в его работе, были в гуще главных событий. Как вы ощущаете Съезд, что оставил он в вашем сердце?

— Надежду и Веру. Их вселило все происшедшее в Кремлевском дворце. Открытость и пылкость дискуссий, искренность полемических столкновений, пережесты эмоций, вспыхивавшие страсти посылнее

повлияли. Придется от многого отказаться, сложить с себя ряд обязанностей. Далее: каждый должен заниматься тем делом, в котором наиболее компетентен. Мои депутатские дела в основном будут связаны с решением проблем, нужд, забот советского искусства, в том числе оперного.

— Беседуя с вами, не спросить об опере невозможно. Кстати, существует точка зрения, что оперный жанр умирает...

— Да что вы? Как интересно! Выходит, недавно, когда я пел в Вероне в опере «Набукко», мне привиделся, а не на самом деле был переполнен старинный амфитеатр на 20 тысяч зрителей, по традиции зажегших каждый свечу, — представляете: тысячи огоньков, окаймляющих сцену... А галерка, до отказа забитая молодежью в венской Штаатсопере, где билеты в партер чересчур дороги? Молодежь, якобы признающей лишь рок-музыку! Да что там, в скором времени у нас в Москве, на Соборной площади Кремля — впервые в отечественной истории — предполагается представить оперу Мусоргского «Борис Годунов» (вот вам и «отмирающий жанр»). Арию-монолог Бориса «Скорбит душа...» я спою на паперти Успенского собора и двинусь со всеми присными в Архангельский собор... Мы с необыкновенным волнением, с энтузиазмом репетируем это небывалое представление.

— И вы опять работаете над образом Бориса, открывая в нем новые грани?

— Да, нужно вновь мысленно прожить всю его жизнь и ответить себе на многие вопросы, определить смысл, скрытый за каждой фразой. Скажем, в сцене галлюцинаций много пауз, которые я ощущаю, как болезненное состояние организма, когда не хватает дыхания («душит что-то... душит... и голова кружится...»). Выполнив эти паузы не только потому, что так написал композитор, но и потому, что рассказ Шуйского, напряжение и жуть, выраженные в музыке, привели мое (Бориса) существо в состояние, когда не хватает воздуха — какое тут и черту белкануть! — и получается правда жизни... Академик Иван Петрович Павлов в молодости встречался с Мусоргским, послушал «Бориса Годунова» и сказал: «В сцене кончины Бориса дается клинически точная картина смерти от грудной жабы» (то есть от стенокардии). Не потому ли так изматывает и опустошает исполнителя эта сцена, что гениальная музыка на время индугирует в нервной системе артиста мучительную болезнь? Мне после этой сцены долго не хватает кислорода, я просто болен...

— Недаром Италия присудила вам приз «Золотой Виолли» — «Одному из величайших Борисов всех времен». Предполагаю, что для вас и грим очень важен: прибавляет и фантазии в исполнении, и страсти, не так ли?

— Конечно! Грим — весомый компонент образа... Знаете, участвовал я в миланском театре «Ла Скала» в создании нового спектакля «Пеллеас и Мелизанда» Дебюсси. Играл старого короля Аркеля. Режиссер Жан Поннель сказал, что представляет себе Аркеля очень древним, около трехсот лет от роду. И предложил сложнейший грим. За два часа до представления три гримера начинали меня попросту мучить. На волосы натягивали пузырь из тонкого пластика, голова прев-

ращалась в лысый череп. На него наклеивали паричок с редкими клочками волос, лицо покрывали слоем резинового клея «гуммимилх» — жидкостью с консистенцией сгущенного молока и едким запахом нашатыря. Поверх клея располагались скотканые кусочки лигнина. Когда все это застывало, получалась неимоверно морщинистая «кожа», а уж на нее накладывался грим. В таком виде я чувствовал себя действительно трехсотлетним. После спектакля снимал наложенную на лицо маску одним движением, и, клянусь, то была самая счастливая минута каждого представления этой оперы...

— Как сказал один знакомый боцман (которого актеры флотского театра уговорили загримироваться и не объяснили, как потом правильно снимать грим и парик), «Тяжелая у вас, у артистов, работа!» В самом деле, нужно беречь голос, строго соблюдать режим, не простужаться. Как вы держите физическую форму?

— В одном интервью известный футболист высказал мнение, что у хорошо тренированного игрока не может быть физической усталости, возможна лишь усталость психологическая. Думаю, это верно и для оперного певца. Ставить свою работоспособность в зависимости от самочувствия и настроения — все равно, что ставить ее в зависимость от погоды и работать, допустим, только когда солнечно.

ГОСТЬ 13 страницы

два, по три сезона подряд ни одного больничного листа. Хотя втайне считаю, что бюллетени приятно, немножко отдыхаете...

— Евгений Евгеньевич, режиссер играет для вас какую-либо роль — его внешний вид, правдоподобность?

— Очень часто играет. Удачный предмет реквизита может внести дополнительную краску в образ персонажа. Работая над ролью короля Рене в «Иоланте» Чайковского, я сломал ногу и весь репетиционный период провел дома. За неделю до премьеры пришел в театр на костылях; мне сказали, что мое выступление на премьере весьма желательно и что для этого

— Вы пели на сценах «Ла Скала», лондонского «Ковент-Гардена», венской и мюнхенской Штаатс опер, театра «Колон» в Буэнос-Айресе, в опере Ниццы...

— Кстати, в Ницце старинный итальянский театр, там на потолке в золотых венках начертаны имена композиторов мира, и среди них — имя Бородин; а на барьерах бенуара — названия лучших опер, и среди них — «Садко».

— Это приятно узнать. Но я хотел спросить об особенностях исполнения опер на языке оригинала: Верди — на итальянском, Моцарта — на немецком, Дебюсси — на французском...

— Произведения зарубежных авторов просто приятнее петь на языке оригинала. А вот русские оперы или романсы на иностранных языках — это для меня совершенно неприемлемо. Были случаи, когда за рубежом исполнял иностранные оперы на русском; скажем, в Зальцбурге пел «Моцарта и Сальери», произведение по тексту сложное, и газета «Зальцбург фолькс-блатт» отметила: «Несмотря на то, что поется по-русски, все понятно». А когда мы с Еленой Васильевной Образцовой записали в Будапеште оперу Бартока «Замок герцога Синяя Борода», газеты отмечали наш хороший венгерский язык (поверьте, очень трудный!) и добавляли, что, мол, надо было дожидаться, пока оперу запишут русские, чтобы наконец весь текст произведения стал понятен... 21 оперу я исполнил на языках оригиналов.

Существует шуточный афоризм: «Когда слова настолько глупы, что их неудобно произносить, их начинают петь». В этой шутке есть доля правды — в отношении некоторых переводных либретто. Сейчас в Большом театре при постановке зарубежных произведений переводы текстов проверяются и корректируются.

— А над чем вы сейчас работаете в Большом?

— Идут репетиции «Жизни за царя» Глинки («Ивана Сусанина») — оригинальная, подлинная редакция, первоначальный текст. Собираемся на гастроли в Японию, там ждут «Бориса Годунова» и ставят условие, чтобы пел я. У меня в этом году не будет отпуска. Предстоит еще петь на Брегенском фестивале в Австрии; быть членом жюри международного конкурса вокалистов имени Мирьям Хелим в Финляндии. Кстати, пять лет назад на таком же конкурсе блестяще победил молодой ленинградец Владимир Чернов, теперь известный солист, а я помню, как принимал его в консерваторию...

— Ну, а новые басы, ваша смена, предвидятся?

— А как же, мои консерваторские ученики — там очень перспективные ребята.

— Евгений Евгеньевич, есть какая-то «та самая» роль, которую вы мечтаете спеть, но пока не пришлось?

— Существует у нас, строителей (улыбается), термин: «Отказ сваи». Сваю можно вбивать в землю до определенной отметки, а дальше она не идет. Вот и я чувствую, что ресурсы памяти не безграничны, что нужно рассчитывать свои силы. Как-никак позади 26 сезонов, 52 ведущие партии в различных операх (а с «не ведущими» — все 100!). Учю новый текст Сусанина, вернее, старый, самый первый. Выучил «Младу».

А мечтаю я — и предлагаюсь, и надеюсь, что где-нибудь кто-нибудь поставит, — спеть «Дон Кихота» Массне, написанного композитором специально для Шалляпина. Жду. Вдохновляют и пример Шалляпина, и притягательность образа, и то, что я себя считаю в какой-то степени Дон Кихотом...

ЕВГЕНИЙ НЕСТЕРЕНКО

любых сценических, естественность общения, которой нам так долго не хватало. Критика не взирает на лица и ранги.

Эмоции — это же прекрасно! Они означают неподдельную заинтересованность, порыв и боль души, жажду истины. Они — признак того, что не осталось страха («выскажусь, а мне за это...»), безысходной покорности («чего я добьюсь, если проголосую против?»). Обретение достоинства, осознание своей личной миссии, весомости своего депутатского мнения — разве это не очевидные черты перестройки, не залог ее динамики?

— Но согласитесь, Евгений Евгеньевич, были выступления, оставившие в душе неприятный осадок. Между ними и вектором перестройки — слишком широкий угол.

— Ну и что? Нет худа без добра. Впервые Съезд от первого до последнего слова был слышен и виден народу, у которого превосходные слух и зрение. Избиратели получили возможность разглядеть своих избранников, получили исчерпывающую информацию к размышлению. Нет, все наши «парламентские» ухабы, шероховатости, спотыкания я списываю на счет демократической молодости, даже юности. Первый такой Съезд! И он зажег во мне какой-то радостный азарт, как перед броском в победную атаку — да, победную, потому что Съезд был проникнут духом солидарности, необходимости которого неоспорима, и эта необходимость объединит оппонентов, сколько шаг ни сломили бы они в спорах. Главное — впереди гора работы, которую нам сворачивать всем сообща.

— Депутатские обязанности несомненно повлияют на распорядок вашей жизни. Иначе вам в сутках и 48 часов не хватит.

— Безусловно повлияют. Уже

Гостя расспросил
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Сфотографировал
Виктор АХЛОМОВ.